

УДК 811.161.1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В БЕСЕДЕ РЕБЕНКА И ВЗРОСЛОГО (НА МАТЕРИАЛЕ БЕСЕД ЛОГОПЕДА С ДЕТЬМИ С ПЕРВИЧНЫМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ)

М.А. Самойленко (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Взаимодействие с носителями языка, относимыми к группе детей с первичным недоразвитием речи, заставляет обращать внимание на ряд особенностей их речи, раскрывающихся при сосредоточении на коммуникативной стороне процесса. Такие дети в возрасте 5–9 лет в ходе диалогов с взрослым (логопедом) на свободную тему либо в ходе выполнения речевых упражнений не расположены к экспликации модальности волеизъявления и делают это нерегулярно, будучи сосредоточенными в первую очередь на разворачивании замысла высказывания и подборе лексико-грамматических форм. Однако варианты модальности волеизъявления регулярно обнаруживают себя, когда ребенок с первичным недоразвитием речи сталкивается с затруднениями в выражении замысла собственного высказывания – в этом случае коммуникативный акт может разворачиваться в двух направлениях: проявлении речевой воли и/или проявлении речевого негативизма. В связи со сказанным эвристически значимыми становятся проблемы анализа примеров экспликации волеизъявления в высказываниях детей с первичным недоразвитием речи, а также определение условий волеизъявления и форм его экспликации.

Цель работы имеет комплексный характер: описать смысловую организацию языковой ситуации волеизъявления, которая эксплицирована в русском высказывании и создается в условиях ограниченной способности выбора лексических и грамматических средств; выявить взаимосвязь конструктивного уровня высказывания-волеизъявления с его коммуникативной составляющей и особенностями речевой деятельности ребенка с первичным недоразвитием речи.

Методология и методы исследования. Основные результаты в данной работе получены путем наблюдений над реальными высказываниями с использованием методов семантико-синтаксического анализа и классификации. Работа выполнена на материале текстов звучащей речи детей с первичным недоразвитием речи в диалоге со взрослым (логопедом).

Результаты исследования. В ходе наблюдения за анализируемыми текстами обнаружено, что модальность волеизъявления ограниченно представлена в текстах бесед в ситуациях успешной реализации ребенком замысла высказывания; в таком случае основные усилия говорящего направлены на подбор лексических и грамматических средств для адекватного оформления содержания высказывания. Вместе с тем в ситуациях коммуникативного затруднения либо коммуникативного поражения количество проявлений волеизъявления возрастает. В зависимости от выбранной коммуникативной тактики (речевой воли или речевого негативизма) ребенком используются различные способы языковой экспликации волеизъявления.

Выводы. Результаты данного исследования позволяют расширить существующие представления о функционировании модальности волеизъявления в устной речи, а также о психолингвистических аспектах коммуникативного развития ребенка с первичным недоразвитием речи. В частности, сделаны выводы об освоении им коммуникативной тактики речевой воли, помогающей достроить синтаксическую конструкцию до границ нормы, а также коммуникативной тактики речевого негативизма, который реализуется в установках на отрицание процесса коммуникации, запрете на тему, запрете на речевую активность взрослого и др., помогающих ребенку завершить разговор на трудную для языкового выражения тему.

Ключевые слова: онтолингвистика, семантический синтаксис, модальность, волеизъявление, первичное недоразвитие речи.

Самойленко Марина Анатольевна – старший преподаватель кафедры логопедии Института логопедии, дефектологии и культуры речи, Московский психолого-социальный университет; ORCID: 0000-0002-7213-0109; SPIN-код: 8019-8225; e-mail: samoylenko.marina@yandex.com

Постановка проблемы. Взаимодействие с носителями языка, относимыми к группе детей с первичным недоразвитием речи (далее – ПНР), заставляет обращать внимание на ряд особенностей их речи, раскрывающихся при сосредоточении на коммуникативной стороне процесса. Такие дети в возрасте 5–9 лет в ходе диалогов с взрослым (логопедом) на свободную тему либо в ходе выполнения речевых упражнений не расположены к экспликации модальности волеизъявления и делают это нерегулярно, будучи сосредоточенными в первую очередь на разворачивании замысла высказывания и его лексико-грамматических формах. Однако варианты модальности волеизъявления обнаруживают себя, когда ребенок с первичным недоразвитием речи (далее – ребенок/ребенок с ПНР) сталкивается с затруднениями в выражении замысла собственного высказывания – в этом случае коммуникативный акт может разворачиваться в двух направлениях: проявлении речевой воли и/или проявлении речевого негативизма. В связи со сказанным эвристически значимыми становятся проблемы анализа примеров экспликации волеизъявления в высказываниях детей с первичным недоразвитием речи, а также определения условий волеизъявления и форм его экспликации.

Обзор научной литературы. Языковая модальность, являясь одной из ключевых категорий, устанавливающих связь предложения (высказывания) с внеязыковой действительностью и реализующих его коммуникативный потенциал, характеризуется активным интересом к ней со стороны исследователей [Тимошенко, 2024]. Научный интерес к данной категории особенно вырос в последние десятилетия, когда в методологии языкознания прочно утвердился функциональный подход, проявилось последовательное внимание к человеческому фактору как к важному экстралингвистическому компоненту языковых преобразований, сформировалось антропоцентрическое направление лингвистических исследований [Хузина, 2011]. Исследованию категории модальности посвящены многие

лингвистические труды, наиболее известными являются работы: В.В. Виноградова, Ш. Балли, В.Г. Адмони, Г.А. Золотовой, Г.В. Колшанского, В.Г. Бондарко, Н.Ю. Шведовой, Н.Е. Беляевой, С.С. Ваулиной, Г.А. Немца, Н.Е. Петрова, Л.С. Ермолаевой, В.З. Панфилова, Н.К. Дмитриева, Т.В. Шмелевой.

Вслед за В.В. Виноградовым, под модальностью мы понимаем отношение содержания высказывания к действительности (сообщаемого к его реальному осуществлению) с точки зрения говорящего [Виноградов, 1975, с. 56]. Кроме того, будем исходить из того, что воля и негативизм активируются в коммуникации, в диалоге: воля, в частности, через модальные маркеры (*хочу, буду, подумаю* и т.п.) [Тимошенко, 2024], а отрицание (негативизм) – через негацию (*не, нет*). Поскольку отрицание – один из способов проявления воли, ее манифестант – оно включено в общее поле волеизъявления и рассматривается как вариант волеизъявления.

Волеизъявительная доминанта имеет большой воздействующий потенциал [Романова, 2008], заслуживающий подробного изучения. К семантике волеизъявления относятся декларативные модально окрашенные реакции: повеление, желательность, необходимость, должение, волеизъявление нормы (нормативно разрешено/запрещено), – которые исследовали А.М. Пешковский, И.П. Мучник, М.И. Откупщикова и др.

Обращаясь к проблематике взаимосвязи лингвистических исследований и общественной практики, отметим, в последнее время внимание исследователей привлекают речевая практика и тексты различных социальных групп: профессиональных (учитель, политик, журналист, блогер) [Гордеева, 2020; Осетрова, 2007; Богуславская Осетрова, 2024; Токарева, 2024], возрастных (подростки, молодежь, пожилые люди) [Кулипанова, 2020], социальных (заключенные) [Плотникова, 2014], групп, а также общностей, представители которых могут характеризоваться измененным состоянием сознания (имеются в виду наркомания, алкоголизм и др.) [Руднев, 2007].

На фоне этого общего социолингвистического интереса активно развивается проблематика онтолингвистики, в рамках которой изучается речь разных категорий детей [Доброва, 2018; Граве, 2024; Айсанова, Морозова, 2025; Hernandez, 2021]. Анализ подобной литературы позволяет определить тему волеизъявления в речи детей с особенностями формирования языковой системы как весьма перспективную.

Для лингвиста такого рода «особый материал» позволяет вскрывать суть языкового явления, обнажает его сильные и слабые стороны, что служит опорой для прогностических лингвистических изысканий. Одновременно это коррелирует с убеждением Л.В. Щербы в том, что «построив... некую отвлеченную систему (языковую систему), необходимо проверять ее на новых фактах, смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности» [Щерба, 1974].

Цель работы имеет комплексный характер: описать смысловую организацию языковой ситуации волеизъявления, которая, являясь здесь объектом исследования, эксплицирована в русском высказывании и создается в условиях ограниченной способности выбора лексических и грамматических средств; выявить взаимосвязь конструктивного уровня высказывания-волеизъявления с его коммуникативной составляющей и особенностями речевой деятельности ребенка с первичным недоразвитием речи.

Материалы и методы исследования. Работа выполнена на материале текстов звучащей речи детей с первичным недоразвитием речи, под которым понимается значительное отставание ребенка в речевом развитии при сохранном интеллекте [Корнев, 2006, с. 237]. Первичное недоразвитие речи – термин, заимствованный из аппарата логопедии, где соответствующее понятие определено как комплексная характеристика состояния речи ребенка, вызванного различными речевыми расстройствами, например, моторной алалией, сенсорной алалией, дизартрией и т.д. Важно понимать, что дети с ПНР не имеют нарушений интеллекта, эмоционально-волевой сферы и сенсорных функций (слух, зрение), о чем свидетельствуют

данные диагностических обследований в ходе коррекционно-логопедического, педагогического и медицинского сопровождения.

Для лингвиста речь детей с подобными нарушениями представляет особый интерес, поскольку они, имея сохранный интеллект и сенсорные возможности, ограничены, однако, в выражении коммуникативного замысла «инструментально». Недоразвитость языкового аппарата и недоосвоенность языковой системы становится проблемой, которую такой ребенок осознает и старается преодолеть. Будучи ограниченными в выборе лексико-грамматических средств оформления высказывания, дети с ПНР вновь и вновь совершают пробы и ошибки на пути от замысла высказывания к его реализации. В таком случае они становятся не просто «маленькими лингвистами», по К.И. Чуковскому¹, но настоящими экспериментаторами – создателями живого отрицательного материала. По мысли Т.В. Шмелевой, именно наблюдение за отрицательным материалом позволяет выявить специфику субъективных аспектов высказывания в ситуации коммуникативного успеха и коммуникативного сбоя [Шмелева, 1984].

Изучаемые тексты записаны в ходе педагогических бесед детей со взрослым – логопедом. Автор статьи произвел записи, расшифровал и проанализировал 236 текстов бесед, различных по содержанию и объему. Сбор материала проводился с декабря 2019 по февраль 2024 г.

В работе рассматриваются тексты, полученные в ходе бесед с детьми 5–9 лет, что позволяет оставаться в рамках детского возраста² и одновременно иметь дело с состоявшейся детской речью: наблюдения онтолингвистов указывают на то, что к 5–6 годам речь ребенка по содержанию и оформлению соответствует речи взрослого³. Все собранные фрагменты объединяет наличие

¹ Чуковский К.И. От двух до пяти: рассказы. Киев: Вэсэлка, 1998. С. 14.

² Шаповаленко И.В. Возрастная психология: (Психология развития и возрастная психология): учебник для студ. вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. М.: Гардарики, 2005. С. 215.

³ Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 240 с.

нескольких характеристик: тематическая цельность текста, состоятельность (полнота) беседы, а также наличие у ребенка мотивации к передаче информации.

Основные результаты в данной работе получены путем наблюдений над отдельными высказываниями и фрагментами диалогической речи с использованием методов семантико-синтаксического анализа и классификации.

Результаты исследования

1. В ходе наблюдений за процессом беседы и последующего анализа текстов обнаружено, что в ситуации **успешной реализации** ребенком замысла высказывания модальные смыслы волеизъявления могут быть представлены, находя конкретное языковое выражение. При этом само волеизъявление разнонаправлено, соотносясь с несколькими типами участников, а именно:

– с автором высказывания, то есть с самим собой:

Даник, 8 лет (рассказывает о занятиях и задании, которое он должен исполнить): Надо там рисовать всякие рисунки;

Богдан, 6 лет (рассказывает о том, что на занятии нужно написать слово «мама»): И еще на занятии «мама» нужно буквы;

Лида, 8 лет (комментирует собственные действия): Как бы вот так надо;

– с собеседником, то есть с взрослым, логопедом:

Юра, 6 лет (рассказывает о праздниках): Ты должна сказать «Ах!».

Здесь ребенок применяет волеизъявительную конструкцию с целью включения логопеда в диалог. Реплика логопеда – *Ах!* – необходима ему как стимул для дальнейшего продолжения высказывания;

– с элементом или действующим лицом описываемой ситуации:

Сева, 7 лет (описывает деталь от игрушечной машины): Это нужно машина ехать чтоб;

Семен, 8 лет (комментирует задание): Цыпленок, потому что он хочет с мамой быть.

В последнем случае ребенок определяет местоположение цыпленка рядом с мамой-курицей и объясняет свои действия, применяя

модальную конструкцию *хочет быть*. Здесь желание самого ребенка расположить цыпленка рядом с мамой в процессе выполнения задания, данного логопедом, оформляется как желание цыпленка – действующего участника описываемой ситуации.

Семантика необходимости, долженствования, желания в приведенных фрагментах эксплицирована вполне корректно, однако само их число в собранном материале относительно невелико.

В большинстве случаев при успешной реализации речевого замысла основные усилия говорящего сосредоточены на оформлении содержания высказывания, на подборе лексических и грамматических средств для его адекватной передачи. Рассмотрим несколько фрагментов:

Егор, 6 лет (описывает серию сюжетных картинок): *Котенок. И видел бабочку. И залез... пошел охотиться. Бабочка кружился маком. А потом полетел в дуб и сел. Кошка за ней охотился, а потом бабочка улетел. Витя увидел кошечку и взял лестницу и поставил в дуб;*

Ася, 5 лет (составляет рассказ по серии картинок «Как кошка сама себя стукнула» Н.Э. Радылова):

Логопед: *Что киса сделала?*

Ася: *Киса сделала... Двинула... Толкнула... Мамы есть. Есть мамы [у мамы есть такой цветок]. Пала.*

В примерах выше мы наблюдаем проявления ПНР: аграмматизмы (*кошечка... охотился, бабочка кружился, поставил в дуб, мамы есть* и др.), предпочтение назывных конструкций, простых нераспространенных и неполных предложений. Кроме неполных и незавершенных высказываний, на трудности в подборе лексических средств в процессе реализации замысла говорящего указывает также поиск соответствующей значению лексемы (*залез... пошел; сделала... двинула... толкнула*). Тем не менее и тот и другой ребенок, оставаясь в рамках сюжетной линии, передают задуманное содержание. Нарративы, которые формируют дети, ориентирующиеся на серию сюжетных картинок (классический прием развития связной речи в логопеди-

ческой практике), в целом понятны. При этом языковые формы прямого волеизъявления в подобных текстах, повторимся, довольно редки.

Более того, когда модальность волеизъявления кажется ребенку необходимой, у него может возникнуть стремление ее «замаскировать», сделать имплицитной. Рассмотрим показательный пример текста с данной особенностью оформления волеизъявления:

Богдан, 6 лет (рассказывает о том, как ему удалось незаметно взять телефон у папы, рисует и комментирует): *Вот сейчас нарисую инструкту (инструкцию), как ухватить телефон. Сначала нужно спрятать [нормативная реализация] кровать (под кровать). Папа не увидит Богдана. ...А потом идет тут взять зарядка, поставил зарядка и смотреть и играть [трансформация модальной волеизъявительной конструкции].*

Если в первой части фрагмента используется нормативная форма модальной конструкции (нужно спрятать), то во второй части ребенок игнорирует, опускает ее, последовательно замещая ее глаголом движения в третьем лице настоящего времени (*идет*), глаголом действия прошедшего времени (*поставил*) и наконец инфинитивами действия (*смотреть, играть*), соотношенными с одним и тем же субъектом. (Заметим в скобках, что пропозиции физического действия и движения являются излюбленными у детей с ПНР [Самойленко, 2020а; 2020б; 2021; Осетрова, Самойленко, 2023].)

Достоин внимания тот факт, что в данном случае мальчик рассказывает о себе. В жанре *инструкции*, которую он сам и заявляет, необходимо было бы употребить конструкцию «модальный глагол + инфинитив»; ср. примеры выше со сконструированными нормативными вариантами: нужно пойти взять, надо поставить, можно смотреть и играть. Однако ребенок на языковом уровне стремится избежать использования языковой формы, проявляющей его же собственное волеизъявление, а на уровне коммуникативном отстраняется от ситуации, выводит себя не только из роли инструктора, но даже из состава «действующих лиц», приписывая

действие неопределенному третьему лицу и занимая нейтральную позицию наблюдателя.

2. Количество и объем языковых волеизъявлений ребенка в ситуациях **коммуникативной неудачи** по сравнению с ситуациями успешной реализации замысла высказывания возрастает.

В границах педагогической беседы ребенка и логопеда под коммуникативной неудачей будем понимать коммуникативное затруднение и коммуникативное поражение. Коммуникативное затруднение представляет случай, когда ребенку не удается реализовать замысел высказывания с первой попытки, но он добивается этого далее, в пределах актуального речевого взаимодействия. Под коммуникативным поражением имеется в виду невозможность ребенка выразить замысел высказывания и достичь положительного результата «здесь и сейчас», что имеет следствием переключение темы, игнорирование сложных вопросов либо отказ от коммуникации.

В процессе анализа собранного материала обнаружено, что два названных варианта коммуникативной неудачи коррелируют с двумя типами коммуникативных тактик, которые использует ребенок с ПНР; назовем их:

- речевая воля;
- речевой негативизм.

Примеры реализации коммуникативной тактики *речевой воли* в условиях успешной реализации замысла высказывания продемонстрированы выше в *Результатах исследования* при описании типов адресатов воздействия. Ситуация коммуникативного затруднения «заставляет» ребенка применять ту же тактику в специфической функции: введение модального маркера волеизъявления помогает построить синтаксическую конструкцию до границ нормы. Рассмотрим диалог:

Логопед: *Кого куда поселишь и почему?*

Алексей, 8 лет: (1) *Кошечка. Хочу, чтобы она здесь жила.* (2) *Тигр. Рядом с кисочкой. Потому что они будут вместе жить.* (3) *Пони. Мы его посадим вот сюда вместе с кисочкой жить. Она живет на высоком этаже.* (4) *Собака. Он будет жить вместе с тигром. Чтобы они тоже играли.*

В приведенном фрагменте беседы логопед запрашивает у ребенка описание-комментарий к выполняемому заданию, по сути, стимулируя его к использованию логических пропозиций каузального типа: причины, цели и под. Коммуникативное целое ответного высказывания, которое производит ребенок, делится им на четыре части-этапа, каждый из которых, в свою очередь, оформлен по одной семантической модели:

– наименование объекта расселения (кошечка / тигр / пони / собака) +

– введение соучастника-коагенса (... / рядом с кисочкой / вместе с кисочкой / вместе с тигром) +

– обозначение причины/цели действия (здесь жила / будут вместе жить / вместе жить / тоже играли).

Как видно, в первой части высказывания ребенок не просто опускает союз причины *потому что* (использование которого предполагает запрос логопеда *почему?*), но замещает его позицию конструкцией с семантикой волеизъявления (*Хочу, чтобы она здесь жила*).

Можно было бы предположить, что именно желание и осмысливается ребенком как причина действия. Однако контекст, развернутый на последующих этапах речедеятельности, показывает, что причинно-следственные отношения далее регулярно репрезентируются, становясь существенным моментом рассуждений: имеются в виду союзы *потому что* и *чтобы*. Это указывает на то, что первоначально модальное слово *Хочу* ребенок использовал скорее как оперативный способ замещения логической позиции причины, требующей хотя бы некоторого заполнения. Ребенок не готов оставить требуемую позицию пустой, но одновременно не может быстро подобрать точное лексико-грамматическое средство: тогда и возникает модальный маркер волеизъявления, помогающий достроить синтаксическую конструкцию до границ нормы.

Использование волеизъявительных конструкций наблюдается, кроме того, в ситуациях коммуникативного поражения, когда ребенок не в состоянии выразить замысел высказывания и достичь положительного

результата в границах данного коммуникативного акта. В таком случае волеизъявление трансформируется в коммуникативную тактику *негативизма*. Рассмотрим следующий пример:

Богдан, 6 лет (рассказывает об отдыхе на море): *Мы забыли вода еще даже взять. Да ну! Вода так хорошо. Без. Вода. У нас есть мороженое! А потом еще с мороженый есть кукуруза. Но они... Я не хочу это, не люблю... Мороженое! Он может длинный быть мороженое и короткий мороженое. И классно мы купили. Все, пока-пока, пока-пока.*

Ребенок, начиная новый этап рассказа, однако, испытывая затруднение в выражении своего замысла, обрывает фразу в самом начале (*Но они...*) и принимает решение отказаться от продолжения, манифестируя это через отрицательную модальность (*Я не хочу это, не люблю...*). Далее мальчик переходит к новому, более интересному и легкому для языкового описания сюжету – в данном случае обсуждению размера мороженого: *может длинный быть... и короткий*.

Проявление речевого негативизма очевидно и в следующем фрагменте беседы о прочитанной книге:

Логопед: *А про кого рассказ здесь был? Это кто?*

Миша, 9 лет: *Лев.*

Логопед: *Где он сидит?*

Миша: *В клетке... Ну все, не надо!*

Логопед: *Ну ты расскажи мне! Мне же надо проверить, прочитал ты книжку или нет. Это кто у нас?*

Миша: *Да. М-м-м... Зебра.*

Ребенок в ситуации коммуникативного поражения, по сути, требует завершить диалог с помощью волеизъявительной конструкции с семантикой отрицания процесса коммуникации: 'не надо задавать вопросы, не следует продолжать тему'.

Следующий фрагмент диалога демонстрирует все тот же негативизм в еще более интенсивном и разнообразном по содержанию и оформлению варианте:

Логопед: *Куда он его привез? Я запуталась. Ты же сказал, что нет у тебя котенка.*

Борис, 7 лет: *Нет, это другой кошка. Два кошка. Я рассказываю про один кошка. Не два, а один... Ну все, я не хочу, хватит! Тебе нельзя спрашивать. Это ты путаешься!*

Переживая коммуникативную неудачу в ее критическом варианте – как коммуникативное поражение, – ребенок сначала открыто проявляет волю к завершению диалога через модальность нежелания (*Ну все, я не хочу*), затем накладывает запрет на тему (*хватит*) и на речевую активность взрослого (*Тебе нельзя спрашивать*), в конце концов перекладывая ответственность за собственное коммуникативное поражение на него же (*Это ты путаешься!*).

Выводы. Результаты данного исследования позволяют расширить существующие представления о функционировании модальности волеизъявления в устной речи, а также о психолинг-

вистических аспектах коммуникативного развития ребенка с первичным недоразвитием речи. В частности, сделаны выводы об освоении им коммуникативной тактики речевой воли, помогающей достроить синтаксическую конструкцию до границ нормы, а также коммуникативной тактики речевого негативизма, который реализуется в установках на отрицание процесса коммуникации, запрете на тему, запрете на речевую активность взрослого и др., помогающих ребенку завершить разговор на трудную для языкового выражения тему. Результаты данной работы могут быть полезны в исследованиях речевой практики иностранцев, осваивающих русский язык, при изучении обстоятельств некомфортного/конфликтного общения и под. – в целом коммуникативных ситуаций, так или иначе затрудняющих оформление высказывания.

Библиографический список

1. Айсанова А.А., Морозова А.С. Построение детского монологического дискурса: особенности употребления анафорических средств в спонтанной детской речи // СИСП. 2025. № 2. С. 81–102. DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-493. URL: <https://socjournal.ru/jour/index.php/mssi/article/view/493> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Богуславская О.В., Осетрова Е.В. Имидж представителя российской власти: женский языковой тип: монография / Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2024. 232 с.
3. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: Избр. тр. / ред. тома Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1975. 559 с.
4. Гордеева Е.Н. Роль эксперта в сети: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры. Красноярск, 25 мая 2020 г. / ред. кол. А.Д. Васильев, С.П. Васильева (отв. за вып.); Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020. С. 35–39. URL: <https://www.kspu.ru/upload/documents/2020/07/30/232f09f3c2d8462eec163a69275fac94/materialyi-ix-mezhdunarodnoj-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-posvyaschennoj-d.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Граве П.И. Перцептивные и акустические характеристики эмоциональной речи детей 5–7 лет // Речевые технологии / Speech Technologies. 2024. № 3. С. 11–20. URL: <https://speechtechnology.ru/assets/files/3-2024.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).
6. Добрава Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянской культуры, 2018. 264 с.
7. Корнев А.Н. Основы логопатологии детского возраста: клинические и психологические аспекты. СПб.: Речь, 2006. 380 с.
8. Кулипанова А.В. Языковая личность современного подростка: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры. Красноярск, 25 мая 2020 г. / ред. кол. А.Д. Васильев, С.П. Васильева (отв. за вып.); Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020. С. 63–66; URL: <https://www.kspu.ru/upload/documents/2020/07/30/232f09f3c2d8462eec163a69275fac94/materialyi-ix-mezhdunarodnoj-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-posvyaschennoj-d.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).

9. Осетрова Е.В. Губернатор Красноярского края: наброски к речевому портрету // Российский лингвистический ежегодник. Красноярск, 2007. Вып. 2 (9). С. 124–138.
10. Осетрова Е.В., Самойленко М.А. Структура пропозиции и ее трансформация (на материале высказываний детей с первичным недоразвитием речи) // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4 (58). С. 63–74. DOI: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-63-74
11. Плотникова А.М. Речетворчество в криминальных диалогах // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 66–72. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21505351> (дата обращения: 10.02.2026).
12. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография / НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2008. 309 с.
13. Руднев В.П. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. М.: Территория будущего, 2007. С. 504–510.
14. Самойленко М.А. Логические пропозиции в высказываниях нетипичного носителя языка (на материале текстов бесед логопеда с детьми с лексико-грамматическим недоразвитием речи) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 169–174. DOI: 10.47438/2309-7078_2021_1_169
15. Самойленко М.А. Событийные пропозиции в высказываниях детей с лексико-грамматическим недоразвитием речи: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры / Краснояр. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020а. С. 51–53; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43834508> (дата обращения: 10.02.2026).
16. Самойленко М.А. Специфика изучения синтаксиса детской речи // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. науч. ст., посвященный 80-летию юбилею профессора Льва Феодосьевича Копосова / сост.: Л.Ф. Копосов, Ю.В. Коренева, О.В. Ряховская. М., 2020б. С. 264–268. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44656034> (дата обращения: 10.02.2026).
17. Тимошенко Е.И. Мотивационные модели формирования семантики принуждения в русском языке // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер.: А. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 86–90. DOI: 10.52928/2070-1608-2024-70-2-86-90. URL: <https://journals.psu.by/humanities/issue/view/169> (дата обращения: 10.02.2026).
18. Токарева С.Б. Русский менталитет как модальная целостность // Logos et Praxis. 2024. № 2. С. 26–32. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2024.2.3. URL: <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/478-logos-et-praxis-2024-tom-23-2> (дата обращения: 10.02.2026).
19. Хузина Е.А. Модальность волеизъявления с оттенком желательности инфинитивных конструкций (на материале русских пословиц и поговорок) // Вестник ЮУрГГПУ. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnost-voleizyavleniya-s-ottenkom-zhelatelnosti-infinitivnyh-konstruktsiy-na-materiale-russkih-poslovits-i-pogovorok> (дата обращения: 10.02.2026).
20. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78–100.
21. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. 1974. 428 с.
22. Hernández, J. (2021). Discourse and Identity: Features of Language Classroom Interaction. *Cuadernos de Lingüística Hispánica*, 37, e11578. DOI: 10.19053/0121053X.N37.2021.11578

LINGUISTIC POTENTIAL OF VOLITION IN CHILD-ADULT INTERACTION (BASED ON CONVERSATIONS BETWEEN A SPEECH THERAPIST AND CHILDREN WITH PRIMARY SPEECH UNDERDEVELOPMENT)

M.A. Samoylenko (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Interaction with native speakers, who belong to the group of children with primary speech underdevelopment, makes us pay attention to a number of features of their speech, which are revealed when focusing on the communicative side of the process. During dialogues with an adult (speech therapist) on a free topic or during speech exercises, such 5-9-year-old children are not inclined to explicate the modality of volition and do it irregularly, being focused primarily on unfolding the idea of the utterance and selecting lexico-grammatical forms. However, variants of the expression of will are regularly detected when children with primary speech underdevelopment face difficulties in expressing the intention of their own utterance – in this case, the communicative act can unfold in two directions: the manifestation of speech will and / or the manifestation of speech negativism. In connection with the above, the problems of analyzing examples of explication of volition in the statements of children with primary speech underdevelopment, as well as determining the conditions of volition and the forms of its explication, become heuristically significant.

The purpose of the study is complex: to describe the semantic organization of the linguistic situation of volition, which is explicit in the Russian utterance and is created under conditions of limited ability to choose lexical and grammatical means; to identify the relationship between the constructive level of expressing volition with its communicative component and the features of speech activity of a child with primary speech underdevelopment.

Methodology (materials and methods). The main results in this work were obtained by observing real statements using semantic-syntactic analysis and classification methods. The study is based on the texts of the sounding speech of children with primary speech underdevelopment in a dialogue with an adult (speech therapist).

Research results. During observation of the analyzed texts, it was found that the modality of volition expression is limited in the texts of conversations in situations of successful realization of the utterance intention by a child; in this case, the main efforts of the speaker are aimed at selecting lexical and grammatical means for the adequate design of the content of the utterance. At the same time, in situations of communicative difficulty or communicative defeat, the number of volition expressions increases. Depending on the chosen communicative tactics (speech will or speech negativism), the child uses various ways of linguistic explication of volition.

Conclusions. The results of this study make it possible to expand existing ideas about functioning of volition modality in oral speech, as well as about psycholinguistic aspects of communicative development of a child with primary speech underdevelopment. In particular, conclusions are drawn on their mastery of communicative tactics of verbal will, which helps them build a syntactic structure up to the limits of the norm, as well as on their communicative tactics of speech negativism, which is realized in attitudes towards denial of the communication process, prohibition of a certain topic, prohibition of adult speech activity, etc., helping a child to finish their conversation on a topic difficult in terms of linguistic expression.

Keywords: *ontolinguistics, semantic syntax, modality, volition expression, primary speech underdevelopment.*

Samoylenko, Marina A. – Senior Lecturer, Department of Speech Therapy, Institute of Speech Therapy, Defectology and Speech Culture, Moscow Psychological and Social University (Moscow, Russia); ORCID: 0000-0002-7213-0109; e-mail: samoylenko.marina@yandex.com

References

1. Aysanova, A.A., & Morozova, A.S. (2025). The construction of children's monological discourse: features of the use of anaphoric means in spontaneous children's speech. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Russian Social and Humanitarian Studies], 2, 81–102. DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-493

2. Boguslavskaya, O.V., & Osetrova, E.V. (2024). *Imidzh predstavatelya rossiyskoy vlasti: zhenskiy yazykovoy tip* [The image of a representative of the Russian government: the female language type]. Krasnoyarsk, Russia.
3. Vinogradov, V.V. (1975). *Issledovaniya po russkoy grammatike. Izbr. tr.* [Studies on Russian grammar. Selected works]. Edited by N.Y. Shvedov. Moscow, Russia.
4. Gordeyeva, E.N. (2020, May 25). The role of an expert in the Instagram network. In *Molodezh i nauka XXI veka* [Youth and Science of the 21st century] (pp. 35–39). 21st International Forum for university students, post-graduates and young scientists. 9th International Science to Practice Conference dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture. Krasnoyarsk, Russia. URL: <https://www.kspu.ru/upload/documents/2020/07/30/232f09f3c2d8462eec163a69275fac94/materialyi-ix-mezhdunarodnoj-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-posvyaschennoj-d.pdf>
5. Grave, P.I. (2024). Perceptual and acoustic characteristics of emotional speech in children aged 5–7. *Rechevye tekhnologii* [Speech Technologies], 3, 11–20.
6. Dobrova, G.R. (2018) *Variativnost rechevogo razvitiya detey* [Variability of children’s speech development]. Moscow, Russia.
7. Kornev, A.N. (2006). *Osnovy logopatologii detskogo vozrasta: klinicheskie i psikhologicheskie aspekty* [Fundamentals of speech pathology of childhood: clinical and psychological aspects]. St. Petersburg, Russia.
8. Kulipanova, A.V. (2020, May 25). Linguistic personality of a modern teenager. *Molodezh i nauka XXI veka* [Youth and Science of the 21st century] (pp. 63–66). 21st International Forum for university students, post-graduates and young scientists. 9th International Science to Practice Conference dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture. Krasnoyarsk, Russia. URL: <https://www.kspu.ru/upload/documents/2020/07/30/232f09f3c2d8462eec163a69275fac94/materialyi-ix-mezhdunarodnoj-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-posvyaschennoj-d.pdf>
9. Osetrova, E.V. (2007). Governor of the Krasnoyarsk Territory: sketches for a speech portrait. *Lingvisticheskiy ezhegodnik Sibiri* [The Siberian Linguistic Yearbook], 2 (9), 124–138.
10. Osetrova, E.V., & Samoylenko, M.A. (2023). The structure of a proposition and its transformation (based on the statements of children with primary speech underdevelopment). *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 4 (58), 63–74. DOI: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-63-74
11. Plotnikova, A.M. (2014). Speech creation in criminal dialogues. *Uralskiy filologicheskiy vestnik* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], 1, 66–72. URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37387
12. Romanova, T.V. (2008). *Modalnost. Otsenka. Emotsionalnost* [Modality. Evaluation. Emotionality]. Nizhny Novgorod, Russia.
13. Rudnev, V.P. (2007). *Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya: Izbrannye raboty* [Philosophy of language and semiotics of madness: Selected works]. Moscow, Russia.
14. Samoylenko, M.A. (2021). Logical propositions in the utterances of an atypical native speaker (based on the texts of conversations between a speech therapist and children with lexico-grammatical speech underdevelopment). *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Voronezh State Pedagogical University], 1, 169–174. DOI: 10.47438/2309-7078_2021_1_169
15. Samoylenko, M.A. (2020a, May 25). Occasion propositions in the utterances of children with lexico-grammatical speech underdevelopment. In *Molodezh i nauka XXI veka* [Youth and Science of the 21st century] (pp. 51–53). 21st International Forum for university students, post-graduates and young scientists. 9th International Science to Practice Conference dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture. Krasnoyarsk, Russia. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43834508>

16. Samoylenko, M.A. (2020b). The specifics of studying the syntax of children's speech. In *Russkiy yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost* [Russian language: history, dialects, modernity] (pp. 264–268). Collection of scientific articles dedicated to the 80th anniversary of Professor Lev F. Kopusov. Moscow, Russia. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44656034>
17. Timoshenko, E.I. (2024). Motivational models of the formation of the semantics of coercion in the Russian language. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Polotsk State University. Series A. Humanities], 2, 86–90. DOI:10.52928/2070-1608-2024-70-2-86-90
18. Tokareva, S.B. (2024). Russian mentality as a modal integrity. *Logos et Praxis*, 2, 26–32. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2024.2.3
19. Khuzina, E.A. (2011). The modality of expression with a touch of desirability of infinitive constructions (based on Russian proverbs and sayings). *Vestnik YuUrGPPU* [Herald of South Ural State Humanitarian Pedagogical University], 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnost-voleizyavleniya-s-ottenkom-zhelatelnosti-infinitivnyh-konstruktsiy-na-materiale-russkih-poslovits-i-pogovorok>
20. Shmeleva, T.V. (1984). Semantic organization of a sentence and problem of modality. In *Aktualnye problemy russkogo sintaksisa* [Actual problems of Russian syntax] (pp. 78–100). Moscow, Russia.
21. Shcherba, L.V. (1974). On the threefold aspect of linguistic phenomena and experiment in linguistics. In *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost* [Language system and speech activity] (pp. 24–39). Leningrad, Russia.
22. Hernández, J. (2021). Discourse and Identity: Features of Language Classroom Interaction. *Cuadernos de Lingüística Hispánica*, 37, e11578. DOI: 10.19053/0121053X.N37.2021.11578